

ВЕРСАЛЬ

ПАМЯТНИКИ
ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

Памятники всемирного наследия

Версаль

«ВЕЧЕ»

2002

Версаль / «ВЕЧЕ», 2002 — (Памятники всемирного наследия)

Книга рассказывает об одном из шедевров мировой архитектуры – Версальском комплексе. Этот памятник неразрывно связан с великим французским королем Людовиком XIV. Жизнь придворных во времена великого века, спутники Короля-Солнца, изысканность королевского вкуса, чувства Людовика XIV, получившие зримое воплощение в таком чуде архитектуры, как Версаль, оживают на страницах этой книги, рассчитанной на широкий круг читателей.

, 2002

© ВЕЧЕ, 2002

Содержание

Явление героя	5
Дитя, дарованное Богом	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Екатерина Александровна Конькова

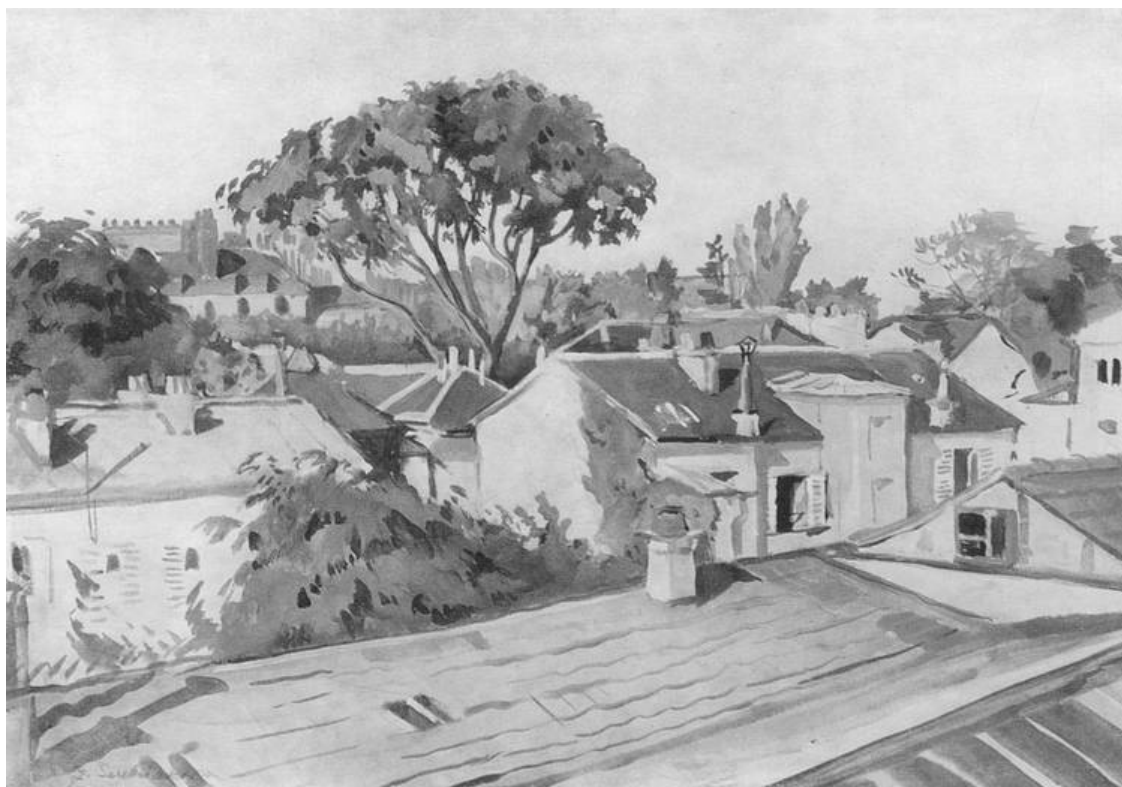
Версаль

*К шедеврам мировым мы наш полет направим,
В торжественный Версаль, в сияющий Марли,
Что при Людовике свой облик обрели...*
(Жак Делиль. «Сады»)

...Освещенная вещь обрастает чертами лица...
(Иосиф Бродский)

Явление героя

Этим шедевром невозможно не восхищаться. Приблизившись к Версалю, вы видите, как яркое солнце заливает Версальский дворец и высвечивает во всей красоте и необъяснимой прелести полные изящества линии его строений на фоне беспокойной прозрачной зелени парка и легких, словно сотканных из воздуха, бассейнов.

З. Серебрякова. Версаль. Крыши города

Нельзя не согласиться, что Версаль – это чудо света и бесценный дар французской нации всему человечеству. Минуя Парижское авеню, вы проходите площадь Оружия и оказываетесь перед высокими парадными воротами, врезанными в изящную черно-золотую решетку. На площади Министров вас встречает памятник Людовику XIV. Его установили через сто двадцать лет после смерти Короля-Солнца, в 1835 году. Восседающий на коне король величе-

ственно и строго смотрит на переменчивый мир, на свое творение, символ мощной государственной власти, Версаль.

Королевский двор в Версале

Когда в 1624 году Людовик XIII торжественно въехал в свой новый небольшой замок, выстроенный на холме среди бескрайних лесов на западе Парижа, еще ничто не предвещало Версалью будущей легендарной судьбы. Молодой и честолюбивый Людовик XIV в начале своего царствования не мог даже предположить, что ему удастся преобразовать замок отца до такой степени, что он превратится в самый большой и роскошный дворец Западной Европы с его легендарными садами и своеобразным королевским городком. Людовик XV, а затем Людовик XVI с особым трепетом относились к наследию, оставленному Королем-Солнцем. Они приносили свои изменения в соответствии с веяниями эпохи и по-своему обогащали его.

И все же потребовалось еще около двух столетий непрерывных трудов для того, чтобы превратить заболоченную местность в одно из прекраснейших мест на земле. Казалось, что Революция не пощадит Версаль, однако в это время он уже перестал символизировать ненавистную абсолютную монархию. В результате почти все великолепные архитектурные памятники остались нетронутыми. Французский народ осознал, что многие поколения художников, архитекторов, скульпторов – величайших мастеров своего времени – оставили здесь бесценное художественное достояние страны.

Как мечтал создатель этого шедевра Король-Солнце, эта сокровищница в настоящее время открыта для посетителей со всех уголков Земли. Конечно же, это восторженные посетители; они любуются необычайной красотой, испытывают радость от общения с истинным искусством и проникаются особым духом Парижа – духом любви, ибо даже тот, кто никогда в жизни не бывал в Париже, не может не проникнуться его обаянием, обаянием ностальгии. Для русского человека Париж – город, обладающий особой неповторимостью и привлекательностью, любой его посетитель оказывается во власти чудных грез, напоминающих разноцвет-

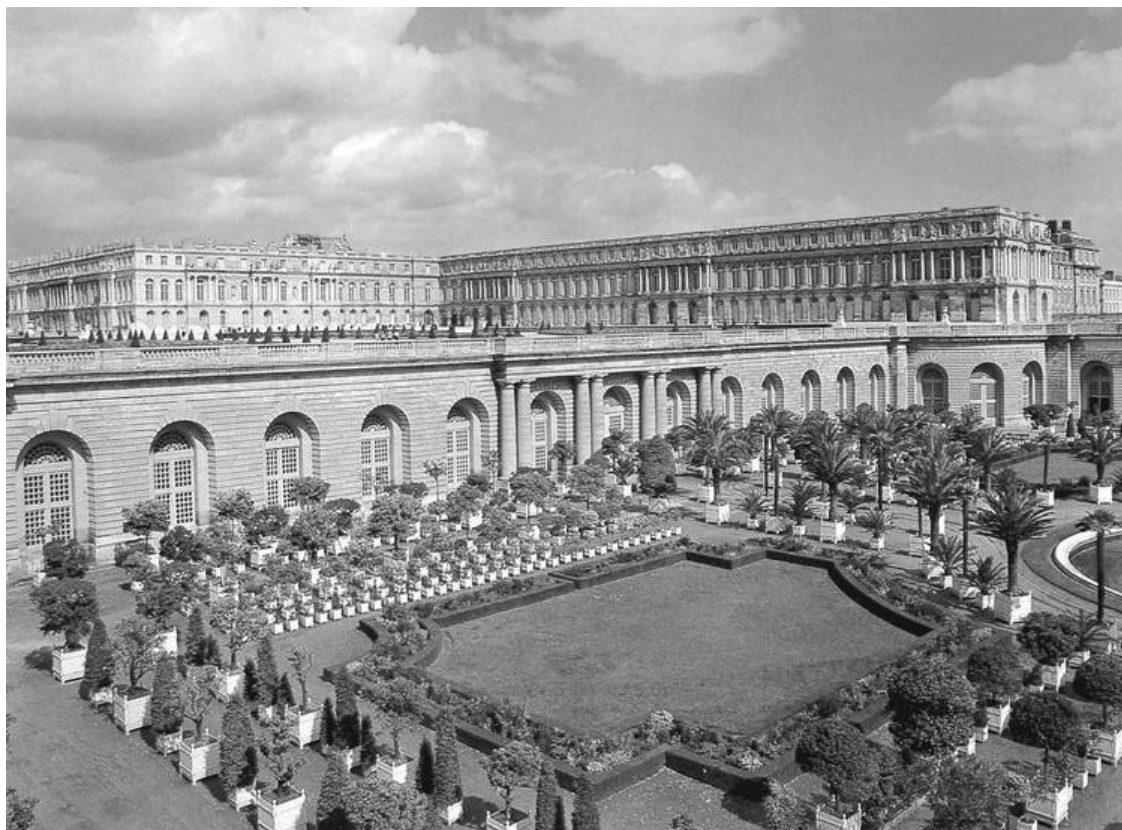
ные прозрачные крылья легкой бабочки. Поистине Париж – лучший город на свете, ибо он – это любовь и так же разнообразен, как любовь. Каждый русский человек испытывает чувства, подобные тем, что описал Максимилиан Волошин в своих чудных стихотворениях, посвященных Парижу:

*На старых каштанах сияют листья,
Как строй геральдических лилий.
Душа моя в узах своей немоты
Звонит от безвольных усилий.
Я болен весеннею смутной тоской
Несознанных миром рождений.
Овей мое сердце прозрачною мглой
Зеленых своих наваждений!
И манит, и плачет, и давит виски
Весеннею острою грустью...
Неси мои думы, как воды реки,
На волю, к широкому устью!
Перепутал карты я пасьянса,
Ключ иссяк, и русло пусто ныне.
Взор пленен садами Иль-де-Франса,
А душа тоскует по пустыне.
Бродит осень парками Версаля,
Вся закатным пламенем объята...
Мне же снятся рыцари Грааля
На скалах суровых Монсальвата.
Мне, Париж, желанна и знакома
Власть забвенья, хмель твоей отравы!
Ах! В душе – пустыня Меганома,
Зной, и камни, и сухие травы...*

Создание, постройка и оформление Версальского замка были навеяны мифами о Солнце и Аполлоне, а потому он поистине излучал сияние французского классицизма. Для всех последующих поколений замок был и остается до сих пор местом встреч самых представительных людей современного мира.

В XVII столетии светская власть, подражая власти церковной, захотела влиять на умы людей и общественное сознание. Короли представляли себя людьми особой породы, более высшего порядка, нежели все остальные. Само Божественное провидение своей волей вознесло их над простыми смертными.

Людовик XIV являлся самым могущественным европейским монархом, поэтому пышное возвеличивание власти стало частью его политической программы.

Версальский замок и Оранжерея

Сначала королевский дворец планировали построить в Париже. Для этого из Италии был вызван сам великий Бернини. Однако этот грандиозный замысел так и не был осуществлен. Волей судьбы символом абсолютной монархии стал Версаль.

Людовик XIV действительно являлся самым великим французским королем, не имеющим себе равных в истории. Его царствование было самым долгим – 54 года, и период его правления вошел в историю под названием «Золотой век». Это время представляло собой классический образец абсолютной государственной власти. Государственное устройство Франции того времени, как это ни парадоксально звучит, можно уподобить «советскому строю». Конечно, общественные порядки меняются, меняются наименования правителей; их можно называть по-разному – королем, генеральным секретарем, председателем, но суть от этого не меняется, и институт государственной власти оказывается аналогичным, что во Франции XVII столетия, что в России сталинских времен. Символы в искусстве также оказываются аналогичными.

Для доказательства подобной точки зрения сначала вскользь упомянем о наиболее сходных моментах в истории двух стран. Людовик XIV ограничил полномочия парламента, лишив его всякого влияния на ход государственных дел. Парламент мог только регистрировать законодательные акты, но не решался даже попробовать внести в них какие-либо поправки. Временами проводились громкие судебные расследования, как, например, дело министра финансов Никола Фуке (судебный процесс «об отравлениях»), причем к ответственности привлекались придворные, титулованные особы. Все население страны, включая также дворянство, было обязано выплачивать обязательный подоходный налог – капитасьон. В критический момент войны между Францией и Испанией король обратился за поддержкой ко всем своим подданным. Помните: «Братья и сестры...»?

Режим абсолютной власти регулярно повторяется в истории. Для Франции это было именно время правления Людовика XIV.

Могущество монарха прослеживается во всем. Вот, например, королевская спальня в Версале. Здесь в течение многих лет король пробуждался ровно в 8 часов утра и неизменно уходил ко сну около полуночи. Рядом расположена Галерея зеркал, или Большая галерея. Ее длина 75 метров, ширина 10 метров. Солнечный свет струится из 17 огромных окон и отражается в огромном панно, составленном из 400 зеркал. Каждый вечер здесь отражалось пламя 3 тысяч свечей, которые зажигались во время различных торжественных событий, дворцовых праздников, приемов иностранных послов, а цель преследовалась одна – показать символ идеального могущественного монарха.

Галерея зеркал. Общий вид

На памятной медали, выпущенной в 1663 году, Людовик XIV предстает в образе Аполлона, который спускается с небес на землю. В правой руке он сжимает рог изобилия, в левой

– оливковую ветвь, вечный символ мира и благоденствия. На одной стороне медали можно увидеть надпись: «В какие счастливые времена мы живем», на другой – «Не многим равный».

Дитя, дарованное Богом

Король был наместником Бога на Земле. В представлениях французского народа тело короля всегда являлось священным, и даже тогда, когда у личности, воплощающей королевскую власть, наблюдалось явное отсутствие разума, как в случае с Карлом VI. Залогом личности короля было его тело, а для подданных оно являлось залогом любви.

Еще большую святость королевская личность приобретала после таинства миропомазания. Король получал непосредственную связь с Царством Божиим, «когда на голову его надевают корону, а его груди, рук, носа, век касаются елеем, творя крест». Людовик XIV прошел эту церемонию в раннем возрасте, и коронация в полной мере отразила значение ритуала. Артур Юнг подчеркивал, что в 1788 году средний француз «любит короля до самозабвения». Что же касается людей, живших в 1654 году, то они испытывали не просто почтение; это была самая настоящая любовь.

Конечно, священное миропомазание не в силах превратить короля в святого, словно сошедшего с витражей, но это таинство взывает к Божией благодати, которую Господь ниспосылает королю. Король, разумеется, человек, а значит, грешен, как и любой самый последний из его подданных. Однако с помощью молитвы и размышления помазанник Божий находит связь в Ином мире со своим внутренним «я», и это служит подтверждением его исключительности, «особости».

От короля не требуют быть ангелом, хотят лишь, чтобы он подражал Иисусу Христу. Проповедники сравнивают короля с царем Давидом. Священное Писание, в свою очередь, рассматривает Христа не только как Бога, пастыря и пророка, но и как царя. То есть в таинстве миропомазания власть небесная и власть земная сливаются воедино, а воплощение через королевскую личность соединяет их уже бесповоротно. В. Волков отмечает: «Королевская власть не безлика и восходит к заранее созданному образцу. В королевской власти всегда есть та частица, которая умирает и воскресает, – сын, который приходит на смену отцу, человек, созданный по образу и подобию Божию. В ней есть жизнь». Миропомазание монарха, таким образом, можно считать божественным залогом для каждого подданного, и оно оставляет на священном теле монарха как духовный, так и материальный знак, который стереть ничем невозможно.

Людовик XIV был долгожданным ребенком. Его отец женился на Анне Австрийской в 1615 году, и в течение 22 лет их брак не был осчастливлен рождением наследника. Вся богомольная Франция считала своим долгом вступить в сговор с самим Небом, чтобы вымолить себе будущего короля. Глава братства Сен-Сюльпис господин Олье не только усердно молился, но и стегал себя хлыстом. Основательница конгрегации Воплощенного Слова Жанна Матель предсказывала рождение наследника. Предстоящую беременность королевы предсказывала 13-летняя кармелитка из Бургундии, Маргарита Париго, в постриге – Маргарита от святых даров. Этой девочке в видении явился сам Иисус Христос в образе младенца и приказал ей молиться, потому что у Людовика XIII должен родиться наследник. Юная монахиня буквально произносила следующее: «Она (королева, которая в тот момент находилась в немилости у короля) будет иметь его, потому что Иисус явился ей младенцем», «он будет, ибо на то воля Иисуса, явившегося ей в образе младенца». Подобное видение повторилось еще два раза. Во второй раз монашенке вновь явился младенец Иисус и ясно сказал, что королева будет иметь сына. В третий раз Маргарита уже точно знала, что королева беременна, хотя тогда еще никто не мог знать об этом, включая самого Людовика XIII.

Зачатие произошло в Лувре 5 декабря 1637 года. Людовик XIII возвращался из своего охотничьего замка в Версале и остановился у ворот монастыря, чтобы немного поговорить с Луизой де Лафайетт. Когда-то она была королевской фавориткой, но стала прилежной послушницей и постоянно молилась о примирении королевской четы. Внезапно разразилась силь-

ная гроза, капитан королевской гвардии уговорил короля не двигаться дальше и поужинать в Лувре. Людовик XIII остался в ту ночь в покоях королевы, а через девять месяцев, ровно день в день, у Анны Австрийской родился сын.

Вся Франция в едином порыве молилась за чудесное дитя. Симон Шампелу писал: «Новый король появился на земле, новый свет вспыхнул во Франции». Людовик XIII говорил, не в силах скрыть волнение: «Вот чудо милости Господней, ибо только так и надо называть такое прекрасное дитя, родившееся после 22 лет супружеской жизни и четырех несчастных выкидышей у моей супруги». Французы немедленно прозвали этого принца Людовиком Богоданным и не прекращали молитв за него.

Людовик XIII обожал своего сына и испытывал ужасную ревность, если ребенок первым делом устремлялся к матери, а не к нему. Он радовался каждому знаку внимания со стороны дофина. Сын тоже очень любил своего отца, хотя и мало знал его: ведь Людовик XIII умер, когда его сыну было всего пять лет. Однако образ отца навсегда сохранился в сознании Людовика XIV, сначала ребенка, затем подростка, взрослого мужчины и старика. Всем известна верность молодого короля кардиналу Мазарини. Она продолжалась до самой смерти кардинала. На самом деле это была верность памяти отца, который по своей воле выбрал Мазарини первым министром и крестным отцом наследника престола.

Король с твердостью отверг все планы и возражения своих архитекторов и заставил их выказать максимум уважения к маленькому охотничьему домику Людовика XIII, расположенному в самом центре Версальского ансамбля. Это еще одно проявление верности и сыновней любви. Даже умирая Людовик XIV высказал свою последнюю волю – положить свое сердце у иезуитов на улице Сент-Антуан, рядом с сердцем отца.

Детство короля – это не безоблачное детство простого ребенка: оно всегда организовано и продумано до мелочей. В пять лет король не просто занимает трон, он не кукла и не театральный актер. Он никогда не играет, но всегда воплощает короля. Даже невнятно сказанные детские слова обретают силу закона.

Конечно, король в пять и в тридцать лет – это совершенно не одно и то же, но все поступки и действия Людовика XIV, по словам посланца Венеции Контарини, предвещают великого короля. С юных лет король умел себя держать поистине величественно. Например, когда иностранные послы на приеме, устроенном в Лувре, обращались к регентше, ребенок явно их не слушал, но когда они поворачивались к нему, он весь обращался в слух и являл собой воплощенное внимание.

Аудиенции и поступки предвосхищали будущего абсолютного монарха. Задолго до Фронды юный Людовик уже ясно представлял себе своих врагов. Он был уверен – это главные вельможи Франции, которые с 1643 года объединились в группировку, высокомерно названную ими «Значительные», и желали навязать собственный, откровенно эгоистический закон. Это судейские чины, которые начали поднимать голову после 1648 года и стремились взять под свой контроль монархию.

Маленький король умел молчать и хранить верность тому, кто его преданно любит. Первый камердинер короля Лапорт поистине обожал своего повелителя. Он писал в 1649 году: «Что бы я ни сказал ему, он никогда не выказывал мне неприязни: даже больше, когда он хотел спать, он желал, чтобы я положил голову на подушку рядом с его головой, и если он просыпался ночью, он вставал и ложился рядом со мной; таким образом, я много раз переносил его спящего обратно на постель».

Лапорт ненавидел Мазарини и настраивал против него Людовика XIV. Однажды кардинал проходил по галерее дворца в окружении многочисленной свиты. Маленький король не смог удержаться от громкого возгласа: «А вот и султан!» Об этом инциденте немедленно доложили Его Преосвященству, а королеве-матери слова короля передал кардинал. Людовик наотрез отказался сообщить, чью фразу он повторил, а то, что повторил, было для всех оче-

видно. Будучи еще слишком маленьким, король не мог оценить важности Мазарини для Франции. Нужна была Фронда для того, чтобы Людовик понял истинное положение вещей и начал восхищаться своим крестным отцом. Вольтер писал: «Мазарини продлил детство монарха настолько, на сколько смог». Вспомните, в романе А. Дюма «Двадцать лет спустя» мушкетеры не хотят называть первого министра иначе, чем «мужлан». Однако на самом деле этот человек не слишком знатного происхождения в душе был не просто благородным человеком, а истинным аристократом.

Вероятно, благодаря Мазарини стал возможен Версаль. Кардинал был скуп в отношении королевского дома, но изо дня в день он всеми силами развивал художественный вкус короля. Он учил крестника умению отбирать все самое ценное, чтобы сделать из него настоящего любителя и знатока искусства. Для Мазарини искусство являлось воплощением всего вечного, причем понятие искусства рассматривалось им достаточно широко. Это могли быть старинные рукописи, украшенные миниатюрами, античные произведения искусства, приобретенные в Риме за баснословные деньги, и, конечно, картины великих художников. В то же время искусством было и то, что украшает ярким фейерверком обыденную жизнь, все, что позволяет верно выбирать достойные развлечения, а также служит способом формирования истинных придворных и людей чести. Да, для двора не роскошь, а насущность балы с их великолепным убранством, искрящиеся иллюминации, воздушная зелень парков, временные триумфальные арки... Кардинал выписал из Италии певицу Леонору Барони, кастрата-дисканта Атто Мелани, виолончелиста Лаццарини, композитора Луиджи Росси и управляющего театральными механизированными декорациями Джакомо Торелли. Его Преосвященство старался внедрить итальянскую оперу, настойчиво предлагая партитуры Кавалли. И не имеет значения, что Людовик имел собственные вкусы и пристрастия и мягко уклонялся от подобной ориентации: он предпочитал Перро, а не Бернини, Люлли, а не Кавалли. Все же в целом вкусы и пристрастия короля были сформированы кардиналом Мазарини. Его влияние было столь сильным, поскольку объектом этого влияния являлась чистая и открытая детская душа.

В то время, когда сверстники юного короля совершенствовались в знании латыни у иезуитов, Людовик с ужасом наблюдал, как его народ раздирают противоречия гражданской войны. В это время он перенес неисчислимое количество нравственных страданий. Однако он был человеком слишком утонченным, чтобы помнить зло и затаить обиду. Гражданские войны фатальным образом отразились на психике короля. У него возникло неистребимое желание установить такой жесткий порядок, который способствовал бы проведению нужной социальной и культурной политики. Именно из-за Фронды король невзлюбил Париж, и только это определило его решение построить Версаль и поселиться в нем.

Фронда сформировала интеллект, характер, здравомыслие, память и волю Людовика. Из ребенка он превратился во взрослого человека, из маленького короля – в величайшего монарха. Вместо того чтобы погубить монархию, Фронда лишь влила в нее новые силы.

По своей сути Фронда была восстанием привилегированных людей, избалованных взрослых. Они не являлись жертвами государственного кризиса и не были доведены в моральном отношении до полной безысходности. Они настолько высоко вознеслись, что потеряли головы. Правительство больше не хранило верность королю, и даже духовенство разделилось. Во Фронде принимали участие герцоги и пэры, иностранные принцы и узаконенные принцы-бастарды. Помимо принцев крови вроде де Конде и де Конти, в восстании участвовали все, вплоть до сыновей и внуков французских королей! Прикрываясь якобы ненавистью к Мазарини, они открыто участвовали в мятеже.

Мазарини подробно объяснил Людовику детали предыдущих мятежей – от смерти Генриха IV до заговора Сен-Мара. Король сделал вывод, что Фронду можно легко объяснить конъюнктурными соображениями, но отсюда следовал единственно правильный вывод: политическое легкомыслие знати породила сама система. Король, не торопясь, разбирал каждый случай

– наказать или простить. Он хотел найти наилучшее решение, что несказанно поражало общество.

Из прошлого шли нити в настоящее, и король хотел построить из него будущее, предупредив возможные бедствия. Франция не мыслит себя без знати, однако по-настоящему мудрый король не должен оказывать знати покровительство, ничего не требуя взамен. Он обязан избавлять государство и нацию от непостоянства знати. Значит, требуется создать особую структуру двора, закрепив за ним статус официального института для того, чтобы знать не только постоянно находилась под надзором, но и стремилась служить в свите короля, возглавлять его армии и постоянно надеяться на новые благодеяния, которые, впрочем, не могут расцениваться по тарифу, равно как и оплачиваться сверх меры. Мудрый правитель оставляет за собой право воздавать по заслугам, щедро вознаграждать за достойные дела, а также за верность и преданность монарху и государству.

Двор будет действенным как социальный институт, по мысли Людовика XIV, только при условии, если все приближенные особы будут жить здесь же, при дворе. Днем и ночью они должны находиться в непосредственной близости от короля. Для этой цели Париж явно не подходит. Сначала предпочтение оказывается Сен-Жермену, где размещается большая часть близких королю людей, а затем Версалью, постройки которого образовали целый город. Королю неведом страх, не он гонит его из столицы. Это диктует насущная необходимость держать знать под контролем.

Во времена Фронды в Париже было так же беспокойно, как и во времена Варфоломеевской ночи. Дважды в спальню юного короля врывались мятежники, и дважды ему тайно приходилось покидать дворец. У Людовика с тех пор развилась боязнь толпы, и он так и не смог избавиться от нее до конца своих дней. Хотя, конечно, дело было не столько в Париже, сколько в Пале-Рояле. Это строение, размещенное в самом центре города, несколько не напоминало крепость. Его с легкостью можно было окружить и захватить. Едва установилось подобие спокойствия, Анна Австрийская и кардинал Мазарини перебрались в Лувр. Здесь Людовик провел восемь лет и переехал в Сен-Жермен только после смерти матери.

Король терпеть не мог толпы, если только это не были дисциплинированные парады войск; он не мог выносить закрытые пространства, где так не хватало воздуха. Людовик не мог жить без свежего воздуха и всегда спал с открытыми окнами.

Это обстоятельство доставило немало неприятностей мадам де Ментенон, которая не переносила холода и мучалась от ревматизма.

В Лувре, конечно, было больше воздуха, чем в Пале-Рояле, но меньше неудобств от этого не становилось, и король приказал оборудовать для себя апартаменты в Тюильри. Как прекрасно там было заходящее солнце; король любил любоваться этим зрелищем. Добрейший садовник Ленотр употребил все свое умение и разбил прекрасный сад возле дворца. Каждый день король любовался деревьями и цветами, и эта страсть к природе сопровождала его всю жизнь. После Лувра и Тюильри Людовик остановил выбор на Сен-Жермене: здесь было еще больше воздуха, больше деревьев и больше цветов. Что же касается Версаля, то он и вовсе построен среди лесов и полей, вне городских стен.

Замысел строительства Версаля возник у короля давно. Людовик воплощал свою мечту: жить в таком благодатном месте, где много света, воздуха, солнца, деревьев, цветов и плодов. Монарх любил прогулки и охоту, игры, спокойную, размеренную жизнь и природу.

Начиная с 1666 года король все чаще и на более длительное время покидал Париж и не испытывал желания туда возвращаться.

Даже если принять сомнительную точку зрения о том, что фрондерский Париж действовал на короля, мягко говоря, угнетающе, то правитель отплатил добром за зло (как это было в его духе!). В Париже остались знаменитые строения, созданные в царствование Людовика XIV: Главный госпиталь, королевский Дом инвалидов, национальная мануфактура «Гобелены», ака-

демии, обсерватория, королевский сад редких растений, квадратный двор и восточная колоннада Лувра, ворота Сен-Дени и Сен-Мартен, Королевский мост, Вандомская площадь, Коллеж четырех наций. Хотя, конечно, забота о городе и стремление украсить его, возможно, диктовались страхом перед ним и неприязненным к нему отношением.

Историки любят писать, что Король-Солнце жил обособленно в золотой клетке Сен-Жермена или Версали и покидал ее лишь затем, чтобы завоевать очередной город Фландрии. Учебники пестрят сентенциями, что король постоянно жил в Версале и был оторван от народа. Его считали чудовищно эгоистичным, безразличным и надменным. Не стоит, однако, забывать о том, что в молодые годы человек может накопить опыт на всю последующую жизнь. Так, Бетховен почувствовал первые признаки надвигающейся глухоты в 27 лет, и тем не менее он сохранил до старости память о звуках и шумах; он явно слышал звучание оркестра при исполнении своих симфоний. Нечто подобное произошло с Людовиком во время Фронды. Он навсегда понял и оценил размеры и характер своего королевства.

Путешествия монархов по королевству в зените славы не способствуют развитию кругозора. Познавательная цель здесь начисто отсутствует. Его Величество может лишь любоваться тем искусственным миром, который ему добросовестно представляют: чистенькие образчики ремесел и представителей социальных классов, города, которые способны польстить его самолюбию, и наиболее богатые кварталы городов. Как образец такого очковтирательства можно рассматривать путешествие Екатерины Великой в Таврию. По пути следования царицы Потемкин сооружал новенькие чистые деревни, где обитали сытые крестьяне. Они и приветствовали Екатерину, выражая радость и верноподданные чувства. Почти немедленно этот поселок демонтировался, но через некоторое время Екатерину снова встречала та же бригада мужиков, похожих на предыдущих как близнецы, все на тех же деревенских улицах, чистеньких и процветающих.

Л. Лево. Коллеж четырех наций

Но это происходит только в зените славы. Когда же молодой король проезжает по Франции времен Фронды, нет никого, кто мог бы подsunуть ему нечто подобное. Нет миражей, нет иллюзий, нет искаженного представления о жизни людей. Во времена волнений Людовик объ-

ездил вдоль и поперек весь Парижский бассейн. К концу 1652 года он открыл для себя, помимо Иль-де-Франса, Пикардию, Верхнюю Нормандию, Шампань, Бургундию, Пуату, Гиень, Анжу, Берри, Сомюр и долину Луары. Итак, за 6 лет – 12 провинций! Королевские поездки по стране могли сравниться разве что с путешествиями ремесленников, если и не по продолжительности, то уж точно по длине маршрута. К тому моменту, когда Людовик начал царствовать самостоятельно, он посетил в общей сложности 20 провинций. Поездки короля по Франции привели к умиротворению в государстве, и это явилось самой большой заслугой монарха.

Первое путешествие – в Нормандию – преследовало цель заставить подданных дать королю клятву верности. Это не составило большого труда, так как жители Руана сами избавились от фрондерки мадам де Лонгвиль, чтобы встретить своего монарха. Священник отец Полен так описывал событие: «Это милость – увидеть короля. Во Франции это самая значительная и самая большая милость. И действительно, наш король умеет быть величественным, несмотря на его двенадцатилетний возраст; он светится добротой и нрава он легкого, движения его грациозны, а ласковый взор его притягивает сердца людей сильнее, чем приворотное зелье. Вся Нормандия попала под обаяние его взгляда».

А. Ф. ван дер Мейлен. Встреча короля в Аррасе

В Бургундии королевское войско осадило Бельгард. Осажденные прислали гонца и передали через него, что из уважения к Его Величеству в течение целого дня они не будут стрелять. Солдаты короля, услышав это, закричали: «Да здравствует король!» Самое невероятное, что солдаты с враждебной стороны вылезли на крепостную стену и с не меньшим воодушевлением и радостью кричали: «Да здравствует король!» После этого с городом начались переговоры, и к досаде фрондеров он сдался.

Вся Франция радовалась тому, что наконец отошла от Фронды. Вероятно, в эти дни Людовик в полной мере понял утверждение Гроция, который говорил, что Франция – самое прекрасное королевство после Царства Божьего. В эти дни король узнал свою страну такой, какая она есть, без прикрас.

Страна устала от бесконечных раздоров. С 1653 года Мазарини отправлял в провинции королевских посланников, которые преследовали две цели: заставить быстро навести порядок и добиться своевременной уплаты налогов. Король подписал 17 налоговых указов и 20 марта представил их на утверждение парламенту. Парламентарии предложение приняли, но уже на следующий день потребовали созыва новой ассамблеи, так как присутствие на ней короля пре-

пятствовало «свободе высказываний». В начале апреля протест продолжал нарастать, и вот наступило знаменитое 13 апреля.

Эрнест Лависс в своей «Иллюстрированной истории Франции» пишет: «Известен вымысел об этом дне: король узнает в Венсенне, что парламент собирается обсуждать эдикты, которые были зарегистрированы в его присутствии, он быстро приезжает во дворец в охотничьем костюме с хлыстом в руке, бранит, угрожает и, так как первый президент Помпонн де Бельевр напоминает об интересах государства, говорит в ответ: “Государство – это я!”» Однако в век утонченных нравов и цивилизованности подобная сцена не представляется возможной. Людовик никогда не смог бы произнести такую фразу хотя бы потому, что не мыслил подобным образом и всегда привык быть слугой государства, в крайнем случае его основной опорой. Он воплощает королевскую власть, что само по себе не является легким трудом.

Как бы то ни было, но парламент, проглотивший неудовольствие таким странным поступком Его Величества, был поставлен на место и уже никогда больше не стеснял короля в его действиях внутри государства.

В 1650-е годы у короля начала зарождаться мысль о Версале. Прежде всего этому способствовало установление очень жесткого ритуала. Дюбуа так писал об утренних королевских процедурах: «Тотчас, как только он просыпается, он читает наизусть утренние молитвы, обращаясь к Господу, перебирая свои четки. Затем входит де Ламот Левейе, чьи блестящие и потрясающие уроки никогда не утомляли отрока. Находясь в своей спальне, король изучал под руководством этого наставника, не самого старшего по положению, какую-либо часть Священной истории или истории Франции. Как только король вставал с постели, тут же появлялись два дежурных лакея и гвардеец, охранявший спальню... Затем он проходил в свою большую комнату, где обычно находились принцы и знатные вельможи, ожидавшие его, чтобы присутствовать при его утреннем туалете». Все еще будучи облаченным в халат, Людовик подходил к вельможам, «говорил то с одним, то с другим так дружески, что приводил их в восхищение». Король снова молился Богу вместе со всеми присутствующими, которые становились на колени. В это время гвардеец, стоявший на посту возле двери, следил, чтобы никто не потревожил молитвы короля. Только после этой процедуры король причесывался, просто одевался (в голландский камзол и саржевые панталоны) и шел заниматься верховой ездой, фехтованием, метанием копья. После этого король переодевался и завтракал. Перекрестившись, он поднимался к кардиналу Мазарини, «который жил над его комнатой, располагался по-домашнему и вызывал сюда государственного секретаря с докладами», беседовал с кардиналом «об этих докладах и о других более секретных делах в течение часа или полутора часов». Король отшлифовывает в это время манеры и делает их поистине совершенными. Двор и монарх действуют необычайно слаженно, и благородное поведение одних способствует развитию благородных чувств у других. Современники считали, что страна наконец достигла наивысшего уровня цивилизации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.